

Именно эта маленькая вещица, как говорили, обладала «способностью менять небеса и землю, приносить счастье и несчастье». Она могла дать своему владельцу всё, что он пожелает, и даже управлять таинственной армией, существование которой оставалось под вопросом. Она манила столько людей, что даже такой известный и бескорыстный мастер, как Шэнь Дуань по прозвищу Игла Персикового Цвета, не мог от неё отказаться. Это было... поистине греховно.

Но грех лежал не в маленьком нефритовом квадратике, а в человеческой жадности и алчности.

— Пожалуйста, используйте эту печать с умом. Мои страдания она не разрешит. Всё зависит теперь от вас. — Голос Шэнь Дуаня звучал хрипло, словно ему что-то мешало говорить.

— Не тревожьтесь, Шэнь-шаося. Раз уж я предложил этот план, то и ответственность на мне.

На самом деле, нельзя было полагаться только на Горького даоса, думал Шэнь Дуань.

Но другого выхода не было. Он был всего лишь лекарем. Убить одного, двух, даже десять человек было возможно. Но как убить сотни или тысячи? Как уничтожить половину Павильона Недеяния?

Печать Счастья и Несчастья, как говорили, определяла судьбу и жизнь, но мёртвые никогда не воскресают. Никакое «священное сокровище» не вытащит их из преисподней.

Ни мёртвых, ни живых.

Шэнь Дуань ступил на деревянные перила Терема Дымной Воды, поднял голову и, словно устремляясь к луне, ринулся в сторону озера, используя искусство лёгкого шага. Его силуэт напоминал чёрную птицу. Вечерний ветер развеивал полы его одежды и уносил прочь тяжёлые мысли.

— Откуда взялся этот урод? На лице — большое родимое пятно цвета персика.

Их первая встреча произошла у входа в Долину Персикового Цвета. Голос девочки звучал звонко, как зелёная финиковая косточка, но слова были обидными. Однако её рука, когда она повела его внутрь, оказалась тёплой и мягкой.

— Быстрее, заходи, отец тебя вылечит.

— Урод, а я заметила, твоё родимое пятно похоже на цветок. На персиковый цвет нашей долины.

Во второй раз они встретились в аптеке. Он был ещё мальчиком, собирающим травы. Девочка выглянула из-за двери, и её ясные глаза, чёрные и белые, уставились прямо на его пятно, не мигая даже от едкого дыма снадобий. Лишь тогда Шэнь Дуань понял: в её словах не было злобы. Она была просто искренней и прямолинейной. Для неё красивое было красивым, а уродливое — уродливым. Она не относилась к кому-то лучше или хуже из-за внешности.

— Меня зовут Юнь. Как облака и сияние заката. А тебя как?

«Облака и сияние, парящие фениксы и извивающиеся драконы» — как же это прекрасно звучало. А сама девочка была прекрасней всех в долине, прекрасней и облаков, и персиковых цветов.

— Шэнь Дуань. Фамилия Шэнь, имя Дуань — «прямой».

Но его «прямота» была шуткой. Черты лица не были правильными, и жизнь его тоже не была прямой.

— Шэнь Дуань, с сегодняшнего дня ты — старший ученик Долины Персикового Цвета.

Учитель положил руку на его голову и объявил это всем собравшимся, включая Юнь.

С тех пор она перестала называть его «уродом» и стала звать «Шэнь-шисюн». А он изо всех сил старался соответствовать своему имени. Черты лица и судьба могли быть кривыми, но характер должен быть прямым.

Однажды Шэнь Дуань получил от Юнь подарок — меч. Длиной около трёх чи, без единого украшения, лишь на гарде было вырезано корявое иероглифическое «Шэнь».

Юнь стояла перед ним, заложив руки за спину и слегка опустив голову. Её лицо порозовело от аптечного жара.

— Шэнь-шисюн, это тебе.

Она, несомненно, заказала меч и сама вырезала иероглиф. Ведь с её рук всё ещё слабо пахло «Нефритовой мазью» — средством для заживления шрамов.

Из-за этого он не мог отказаться.

— Тогда я принимаю. Спасибо, Юнь.

— Шэнь-шисюн, я слышала, есть сокровище — Печать Счастья и Несчастья. Говорят, для неё нет ничего невозможного. Вот бы мне её когда-нибудь раздобыть. Тогда счастье мы пополам!

Юнь была как соловей, её рот не замолкал ни на минуту. Больше всего она любила болтать со своим Шэнь-шисюном.

Рука Шэнь Дуаня потянулась погладить её по голове, но он опустил её.

Маленькая девочка превратилась в очаровательную девушку, а её Шэнь-шисюн ничуть не изменился. Он оставался тем самым уродливым мальчишкой в рваной одежде, который когда-то свалился у входа в долину. Он боялся испачкать её волосы, лёгкие, как облако.

Шэнь Дуань вспомнил, как Гао Шиюй спросил его, любит ли он Юнь. Он ответил честно, полагая, что признался себе самому, но на деле всё ещё скрывал правду.

— Ши-сюн, ты ведь любишь сестрицу Юнь?

— Конечно.

— Тогда почему же...

— Тогда... я был молод и глуп, думал, что в мире нет ничего неразрывного. Позже понял: некоторые люди действительно неразделимы.

Нет. Неправда. Просто я не посмел сказать.

В реках и озёрах я — Шэнь Дуань, Игла Персикового Цвета. Но перед ней я навсегда останусь уродливым мальчишкой, недостойным даже звания «Шэнь-шисюн».

Печать Счастья и Несчастья могла совершить что угодно, но воскресить мёртвых — нет. Он это знал.

Знал — зачем же тогда бороться за неё? Наверное, из-за тех самых слов: «Я слышала, есть сокровище — Печать Счастья и Несчастья. Говорят, для неё нет ничего невозможного. Вот бы мне её когда-нибудь раздобыть».

Одна мысль — и рождается одержимость.

(XXII)

Голубиная почта от Тан Юаня настигла Юань Сяо в самом начале девятого месяца. В столице только что прошёл осенний дождь, и влажный воздух был прохладен, но приятен — самый что ни на есть подходящий день для прогулки.

Небо — высокое и синее, облака — мягкие, как пух, так и хочется прилечь под деревом и вздремнуть.

Но Тысячеликий был на взводе. От волнения у него даже на губах вскочили два прыщика.

— Господин Юань, да как вы можете чай пить спокойно? — голосом Тан Юаня, который был куда привычнее его собственного, говорил он, и в интонациях сквозила неподдельная тревога. — Что мне делать, если младший господин Тан не вернётся? Завтра же Девятое число девятого месяца, и меня непременно потащат ко двору праздновать с вдовствующей императрицей!

Мастер перевоплощений он был отменный, но у людей вроде Юань Сяо — глаз орлиный, разглядит с первого взгляда. А при дворе и подавно талантов хоть отбавляй: восьми жизней не хватит, чтобы головы не лишиться.

Праздновать День Двойной Девятки с вдовствующей императрицей... Раньше он ещё мог притворяться маленьким Тан Юанем, возраст позволял. Но теперь он взрослый, а там правил — целая гора, ему никак не выдержать.

— Успокойтесь, мастер. На Девятый день девятого месяца, верю, Тан Юань вернётся аккуратно. Он сегодня утром весточку прислал, вот, взгляните. — Юань Сяо протянул только что снятую с голубиной лапки записку и с невозмутимым видом отхлебнул чаю.

С тех пор как он увидел поддельную Печать, его душа обрела покой. Зная, какой ход готовит противник, разве не сможешь парировать и обратить его силу против него самого?

Он уже строил планы, как после праздника испросить у императора указ о переводе обратно в армию клана Юань. В столичной охране — суета сует, да ещё и родственники знати, которых туда напихали: не работают и приказов не слушают. Недаром охрана раздута. По его нраву, следовало бы всем им жалованье на полгода урезать — пусть поумнеют. Но связи в столице — будто корни старого дерева, тронешь один — всё затрещит. Да и привычки дурные укоренились, не за что взяться.

Тысячеликий взял записку и развернул. Клочок бумаги — с ноготь, строчки — мелкие, частые. Умудрился же Юань Сяо разобрать. Сам же Тысячеликий увидел лишь четыре крупных иероглифа: «В скором времени вернусь в столицу». От этого на душе немного полегчало.

Но тревога не отпускала: когда именно Тан Юань выехал? Не задержался ли где? Успеет ли?

— Господин Юань...

— Мастер Тысячеликий, Тан Юань может и ветреник в обычные дни, но в серьёзных делах он никогда не подводил. И вас он не подведёт. Вы же с ним давно знакомы, вам ли не знать?

Кто знал Тан Юаня лучше Юань Сяо?

На рассвете восьмого дня девятого месяца Тан Юань, выехав затемно, поравнялся с Ян Сяном, который тоже выбрался в путь ни свет ни заря. Ян Сян лишь почувствовал, как мимо промчался конь, окутав его облаком пыли.

— Видел, как тот всадник выглядел? — спросил он у своего спутника.

<http://bllate.org/book/16265/1463638>